

РОЛЬ СЛУЖЕБНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СМЫСЛОВ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Е.Ю. Муратова

Аннотация. Исследуется смыслообразующий потенциал служебных частей речи в поэтических текстах. Актуализация служебных частей речи осуществляется за счет постановки их в сильное место стихотворения (начало или конец строки); при помощи инверсии и строчного переноса, совмещения значений разных частей речи в одной лексеме, семантической антитезы, намеренного и значимого повтора.

Ключевые слова: служебное слово; строчный перенос; оппозиция; субстантивация.

Традиция изучения грамматики лирического текста опирается на представление о наличии «особого уровня грамматической образности в поэтическом тексте» [1. С. 348]. Соположение терминов «грамматика» и «поэзия» впервые появилось у Г.Г. Шпета: «Поэтика в широком смысле есть грамматика поэтического языка и грамматика поэтической мысли» [2. С. 2]. В классических и современных работах о грамматических категориях лица, времени, вида, определенности в поэтическом тексте грамматический уровень художественного текста анализируется как эстетически нагруженный, обладающий собственным семантическим потенциалом. В рамках такого подхода постулируется существование особого уровня образности в поэтическом тексте, который рассматривается как глубинная семантическая организация текста. Описание грамматики дает возможность установить систему соответствий между формально-грамматическим и содержательным уровнями поэтического произведения.

Р.О. Якобсон [3. С. 462] в 30-х гг. XX в. сформулировал тезис о том, что в поэзии грамматические средства выполняют эстетическую функцию и их семантическая поэтическая нагруженность может быть не меньшей, чем у лексических единиц. Интерес к грамматической составляющей семантического плана художественного текста как одному из способов передачи индивидуальной художественной манеры автора проявляли В.В. Виноградов (в частности, этому посвящена его работа 1925 г. о языке Анны Ахматовой), Б.А. Ларин, Г.О. Винокур.

Воплощение потенциальных свойств языка может осуществляться также в модусе воспроизведения свойств грамматической формы и восстановления в поэтическом тексте утраченных в узусе языковых отношений, что открывает дополнительные возможности выразительности в поэзии. Так, Л.В. Зубова [4. С. 240] считает, что основными в рассматриваемом плане тенденциями к воплощению потенциальных свойств язы-

ка в современной поэзии являются следующие: восстановление грамматического синкретизма существительного, прилагательного и наречия; воспроизведение современным деепричастием свойств атрибутивного причастия; окказиональная реставрация деепричастием самостоятельной предикативности; воспроизведение грамматической атрибутивно-предикативной двойственности форм прошедшего времени, восходящих к перфекту; возвращение артиклевой функции местоимения *он*.

М. Хайдеггер писал: «Язык обладает той особенностью, что мы в нем живем, ему доверены, обычно не направляя при этом на него свое внимание, и, таким образом, не замечаем его в его самости» [5. С. 42]. Выход из этого положения философ находит в поэзии. В частности, грамматические категории в поэтическом тексте стремятся к тому, чтобы стать сущностными характеристиками создаваемого художественного мира.

Нам кажется очень верной мысль Михаила Эпштейна о тех моментах мышления, которые меньше всего контролируются самим мышлением, предзаданы ему, образуя негласную, неслышимую систему правил: «Лексика говорит с нами шумно и внятно, тогда как грамматика таит про себя заветные мысли... Грамматика – это не то, **что** мы думаем, а **чем** мы думаем, когда говорим, или даже то, **что думает нами**; это бессознательное нашего мышления» [6. С. 3].

Представляется, что смыслопорождающий потенциал грамматических категорий в поэтической системе русского языка определяется тремя основными составляющими, а именно: 1) возможностями переносного употребления грамматических форм, в результате чего возникают и реализуются определенные добавочные смыслы (глагольные категории наклонения, времени, лица); 2) возможностями окказионального слово- и формообразования (окказиональное формообразование форм числа, рода, одушевленности/неодушевленности существительного, категории вида глагола, кратких форм имен прилагательных, форм сравнительной степени); 3) возможностями частей речи (различные случаи синкретизма, семантизация и актуализация служебных частей речи, концентрация/отсутствие форм разных частей речи).

В данной статье мы анализируем смыслообразующий потенциал служебных частей речи. Вопрос о составе служебных частей речи в современном русском языке является спорным. Так, Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров, П.П. Шуба не относят частицу к служебным словам. Кроме вопроса о частицах нет единого мнения об отнесении связки к служебным словам. Одни ученые (Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, А.С. Попов, П.П. Шуба) относят связку к служебным словам, другие (В.А. Белошапкина, Е.А. Земская, П.А. Лекант, В.И. Максимов) не включают ее в состав служебных слов. Мы придерживаемся традиционной точки зрения и относим к служебным словам союз, предлог и частицу.

Спорным является также вопрос о значимости служебных слов. Л.В. Щерба писал: «Во всяком произведении много безразличного материала (который я назвал когда-то “упаковочным”), который, конечно, никогда не входит в индивидуальную систему (стиль) писателя» [7. С. 58]. Под «упаковочным материалом» ученый имел в виду служебные слова. Л.В. Щерба считал, что художественный образ формируется за счет знаменательных слов, задача же служебных частей речи состоит в том, чтобы связать, «упаковать» значимые элементы текста. Тезис об «упаковочном материале» положил начало длительной научной дискуссии, участники которой представляли жесткую оппозицию мнений: служебные слова значимы (А.М. Пешковский, Б.А. Ларин, Ю.М. Лотман и др.) – служебные слова ничего не значат (Л.В. Щерба, Г.О. Винокур, В.В. Виноградов и др.). В частности, В.В. Виноградов утверждал, что «союзы, в сущности, запредельны морфологии» [8. С. 553].

В настоящее время превалирует по-своему компромиссная точка зрения: на уровне содержания как самостоятельные части речи служебные слова, действительно, играют вспомогательную роль, но на уровне смыслообразования в контексте высказывания их роль может быть весьма значительной, на уровне смысла они становятся словами структурными.

Более того, ХХI в. породил уникальные, на наш взгляд, теории в отношении служебных слов. Например, М. Эпштейн утверждает, что служебные слова выражают более глубокую, бессознательную мысль языка, чем знаменательные части речи. Свой взгляд он излагает следующим образом. Самое употребительное слово в английском языке – артикль «the». Определенный артикль – самое частое слово в тех языках, где он есть. «The» указывает на любую вещь как *эту*, отличную от всех других вещей в мире, и это свойство «*этости*» является начальным и всеопределяющим. Этот артикль представляет собой *конкретизирующую абстракцию*, то «свое» для каждого, которое является «общим» для всех. В русском языке, как пишет М. Эпштейн, на первое место выдвигается другое фундаментальное свойство – «*вмещенность*». Оно выражено предлогом «в», который является самым частотным словом в русском языке. «В»-структура определяет пребывание любой вещи внутри другой: даже самое малое что-то вмещает, даже самое большое чем-то объемлется. «Все во всем» – этот древний закон, выведенный Анаксагором, в русском языке выступает как синтаксическая привычка, как суммарная воля и мысль всех говорящих, их коллективное *языковое бессознательное*. Главное – не «это», а «в», через структуру которого любая вещь предстает окруженной и окружающей... Вещь определяется не сама по себе, в отличие от другой вещи, но через то большее, внутри чего она пребывает. Предлог «в» получает глубокий смысл как первое слово Библии: «*В* начале Бог сотворил небо и землю». «*В*» будто и об-

разует начало всего, до неба и земли, до их разделения. Резюмируя свой взгляд на предлог «В» как философскую категорию, М. Эпштейн пишет: «В» – это и есть ответ на так называемый основной вопрос философии: что первично – мысль или мир? Первично именно “**в**” – взаимная окольцованность субъекта и объекта познания, их *вложенность друг в друга*. «**В**» – не составная и не производная, а простейшая и исходная структура **миромыслия**... Я всегда застаю свое сознание уже в мире, и вместе с тем всегда застаю мир внутри своего сознания» [6. С. 4]. Таким образом, служебная часть речи (она же лексема, понятие, философская категория) может стать ответом на вопрос об отношении сознания и материи.

Частотность служебных слов в любом языке очень высока. Как правило, во главе частотных списков стоят предлоги, союзы, частицы. Существительные и прилагательные начинают появляться только на четвертом десятке частотного списка. Такой факт невозможно игнорировать: частота вхождения слов в поток речи отражает их востребованность говорящими, значимость в языке.

Особенно ярко смыслообразующая роль служебных слов проявляется в поэтической речи. Об этом может сигнализировать их нестандартная частотность в поэтическом произведении (собственно, как и в естественном языке). Так, в поэтическом цикле И. Бродского «Часть речи» служебные слова составляют около 40% общего количества слов цикла. Как думается, функциональные тезаурусы служебных слов позволяют в определенной степени реконструировать авторское ощущение возможных отношений между человеком, природой, миром.

Но главным, на наш взгляд, является не частотность служебных слов в поэтическом тексте, а их структурная и смыслообразующая роль. В поэтическом языке, где все «элементы суть элементы смысла» (Ю.М. Лотман), это может значить, что роль служебных слов, рождаемая ими коннотация художественного значения играют важную роль для поэта, по крайней мере, не менее чем реалии окружающего мира.

Служебные слова, не имеющие в русском языке самостоятельно лексического значения, в определенных поэтических контекстах частично «наполняются» значением: *Все, что бы **ни** – / Что? Да все, если нечто!* Во многих предложно-падежных сочетаниях происходит как бы перераспределение и актуализация лексического значения между существительным и предлогом, причем предлог при этом начинает выполнять и важную эмоционально-экспрессивную функцию: 1. *Всю лестницу божественную – **от**: / Дыхание мое – **до**: не дыши!* 2. *Любовь не входит в биографию, – / Бродяга остается – **вне**...* 3. *...и локоть **под** – / Чтоб лоб свой держать, как свод.* 4. *Теки, мои соки, / Брега – **через**!* (М. Цветаева). *Бежишь – и все бежишь обратно: / Столбы, деревья, небеса. / Особенно бежать приятно, / Когда бежишь не **от**, а **за**.* / Дорога стелется по-

корно, / И даль волнует и зовет. / Особенно бежишь проворно, / Когда бежишь не **за**, а **от** (М. Кривин). В чем же смысл всех революций / и кровавых их следов, / если кровь и слезы льются **до / во время, / после, / до...** (Е. Евтушенко). При этом важное значение может иметь инверсия: 1. *Ко мне утратив интерес, / рассудок белой ночи болен. / Что делать? Обойдемся **без**.* 2. *...нам нужен штрих живой, усвоенный пейзажем, / чтоб поступиться им, оставить дня **вовне*** (Б. Ахмадулина).

Важным элементом актуализации и знаменательных, и служебных частей речи является строчный перенос. Строчный перенос – своеобразный значимый пробел, употребленный там, где его не должно быть. Обычно стихотворная строка заключает в себе синтагму или предложение. Но если «оторвать» от синтагмы слово и перенести его в следующую строку, то могут возникнуть дополнительные смыслы, которых не могло бы быть, не будь пробела в конце строки. Строчный перенос играет важную роль, например, в стихах И. Бродского, причем на границе переноса часто оказывается именно служебное слово, в чем и проявляется его особый статус в поэтическом тексте: *...только одни глаза / сохраняют свою студенистость. **Ибо** / перемена империи связана с взглядом за / море...* Или: *Барельефы с разными сценами, снабженные перевитым / туловищем змеи неразгаданным алфавитом / языка, не знавшего **слова или**. / Что бы они рассказали, если бы заговорили.*

При помощи актуализации служебных частей речи, их намеренного графического и интонационного подчеркивания и создаваемой оппозиции поэт может выражать свое мировосприятие: ***Без** бога, **без** хлеба, **без** крова, / **Со** страстью! **Со** звоном! **Со** словом!* (М. Цветаева). В данном примере смыслопорождение базируется на противопоставлении повторяющихся предлогов **без / со**, в результате чего рождается целый «мир» смыслов, декларируется (без детальной вербализации) философия жизни поэта. Не только оппозиция предлогов, но все сочетания в контексте рождают глубинные философские смыслы. Что выбирает лирический герой: быт или бытие, страсть или кусок хлеба? Он даже готов отказаться от бога, но остаться со словом. А лексема *звон* в данном контексте, в принципе, неисчерпаема по глубине возможных смыслов, она олицетворяет все высшее, чистое и одновременно страстное, духовное и бытийное в человеке.

В определенных контекстах служебное слово может стать смысловым центром, «ядром» высказывания. В этом плане ярким примером является следующее стихотворение А.А. Ахматовой: *Хочешь знать, как все это было? – / Три в столовой пробило, / И, прощаясь, держась за перила, / Она словно с трудом говорила: / «Это все... Ах, нет, я забыла, / Я люблю вас, я вас любила / Еще тогда!» – «**Да**».* Стихотворение состоит из двух частей: ее монолог и единственная ответная его реплика.

Именно эта реплика несет основную смысловую нагрузку, поскольку в ней узел конфликта драмы. В первых редакциях этого стихотворения стоял вопросительный знак: «Да?», который рождал надежду на то, что после ее признания многое в их отношениях может измениться. Точка в последующих редакциях превратила *его* реплику в безжалостную констатацию факта: *он* это знал и знает. Посредством слова-предложения «Да» доминантой стихотворения стала драма безнадежной любви [9].

Другой пример актуализации смысловой значимости служебного слова приведем также из лирики А.А. Ахматовой: *Он любил три вещи на свете: / За вечерней пенью, белых павлинов / И стертые карты Америки. / Не любил, когда плачут дети, / Не любил чая с малиной / И женской истерики. ...А я была его женой.*

Б.М. Эйхенбаум показал, что именно союзы во многом определяют особенности лирики А.А. Ахматовой. В частности, он утверждал, что союз «а» наделен у нее «особенной силой» и встречается там, где «сгущается смысл стихотворения» [9. С. 93]. В данном стихотворении это утверждение подтверждается особенно наглядно: союз «а» стоит в начале реплики, несущей принципиально новую мысль, и именно он задает смысловой модус высказыванию. Если предположить здесь союз «и», то смыслы будут возникать во фракталах «подруга жизни»: тогда предстает образ женщины, идущей с художником рядом по жизни, разделяющей его взгляды. Если предположить союз «но», то фрактал видоизменяется в «подруга жизни вопреки всему»: возникает следующий женский образ: ей было очень тяжело, но она все равно оставалась рядом с ним. И только союз «а» раскрывает «единство противоположностей» и показывает самодостаточность двух людей, идущих по жизни вместе, их соединенность и одновременно противопоставленность друг другу.

Дополнительные оттенки смысла могут возникать в случае смыслового и экспрессивного выделения служебного слова, когда оно находится в сильной позиции стиха, например, в начале строки, в результате чего наблюдается синекретизм смыслов и грамматических характеристик слова: *Еще, еще одну убили! / Да! – будет Свет, а не группешник. / Да! – не случались, а любили, / Да! – королева, а не пешка* (А. Вознесенский); или, наоборот, в конец строки, рифмуясь с полнозначными словами: *Ты живешь безоблачной небес. / Одеваешься от Кензо, бесишь скептиков. / Но душа предпочитает без / контрсептиков* (А. Вознесенский). 1. *Здесь — нельзя. / Увези меня за / Горизонт!..* 2. *Всечеловека среди высот / Вечных при каждом строе. / Как подобает поэта – **под** / Небом и **над** землю* (М. Цветаева).

Так, в последнем примере актуализация предлогов осуществляется за счет следующих факторов: во-первых, предлоги *под* и *над* выделены графически самим поэтом; во-вторых, *под* стоит в позиции переноса

и уже тем самым выделяется семантически; в-третьих, данные предлоги представляют собой семантическую антитезу, символизирующую «быт» и «бытие» человека.

Необходимо отметить, что изменение грамматического статуса слова приводит не просто к обогащению или изменению его семантики, но часто именно через окказиональные грамматические изменения поэт выражает наиболее значимые для него философские понятия. Например, в одном из писем именно через предлог выражает М. Цветаева свою сущность: «Друг, друг, я ведь дух, душа, существо. Не женщина к Вам писала, и не женщина к Вам пишет, то, что *над*, то, с чем и чем умру!» Предлоги *над* и *под* при их субстантивации или адвербиализации не только получают лексическое значение как значимые части речи, при их помощи выявляются глубинные философские смыслы. Во второй половине XX в. Ю.М. Лотман доказал, что оппозиция «верх – низ» в пространственной модели культуры интерпретируется не только как физическая, но и как «этическая» вертикаль.

Интонационное, мелодическое или ритмическое выделение слова (на письме – графическое) может вызвать его частичную или полную грамматическую трансформацию, которая создает синергетичность поэтического текста: «А жить – нужно... А жить – нечем. Вся жизнь *до* и *после*. *До* – все мое будущее!...». За счет служебных слов рождается дополнительный смысл, который не явлен в полнозначных словах. 1. *Над* мотыгами – и – спинами / *Полыхание двух бурь!* 2. *От* нас? Нет – *по* нас / *Колеса любимых увозят!* 3. *И* покамест – *счета* – кипами, / *И* покамест – *сердца* – хрипами, / *Закипание* – до – кипени / *Двух вспененных крепись* – крыл (М. Цветаева). *Марина, до!* *До* – детства, *до* – судьбы, / *до* – *ре*, *до* – *речи*, *до* – *всего*, что *после*... (Б. Ахмадулина).

В поэтическом языке служебные слова способны выступать в функции существительного и тем самым реализовывать свои потенциальные смыслопорождающие возможности: 1. *В нашем хлюпавшем болоте / открывал нам всем глаза / жанр великих писем – против / тошнотворных подлых «за».* 2. *...и мы не замечали иногда, / что в «нет» отчаянном / порой звучало «да»...* (Е. Евтушенко).

Ярким примером является стихотворение Е. Евтушенко «В государстве по имени КАК БЫ» [10. С. 65]. Сам поэт в предисловии к этому стихотворению грустно и одновременно иронично объяснил мотивы его написания: «За последние два-три года в русский разговорный язык заползло да и расползлось по всей стране двусмысленное словечко “как бы...”, которое как бы все ставит под сомнение, а в то же время как бы ухмылочкой как бы успокаивает как бы совесть...».

Я живу в государстве по имени КАК БЫ... / где порой как бы любят, / но как бы и не без хамства. / «Это правда, что все как бы пьют

/ в государстве по имени КАК БЫ? / Есть, кто как бы не пьет, / и, поверьте мне, / как бы ни капли... / «Что вообще за народ эти самые КАК-БЫЙЦЫ?» / Как бы милый вполне, / но бывают порой как бы воры и как бы убийцы... / В основном, все мы как бы радушны / и как бы достойны... / Мне раскрыла КАКБЫЙКА одна / свою крошечную как бы тайну: / «Я в вас как бы навек влюблена. / Вас читаю и как бы вся таю...» / Я хочу перед Богом предстать, / как я есть, / а не как бы, / не вроде – / лишь бы «как бы счастливым» не стать / в «как бы жизни» / и «как бы свободе».

В стихотворении выявляются две субстантивированные частицы *как бы*, два окказиональных существительных (*какбыйцы*, *какбыйка*), две служебные лексемы *как бы* и *вроде* используются в функции знаменательных частей речи (затруднительно сказать каких именно), намеренный повтор (12 раз) частицы *как бы*. Эта частица в естественном языке является оператором приблизительности, обозначает мнимость изображаемого, очерчивает некоторое семантическое пространство между истиной и не-истиной. Поэтому ее намеренная актуализация в поэтическом тексте с первой до последней строки создает процесс рождения трансцендентных смыслов, отражающих горечь, иронию, надежду, социальные отношения в стране, авторское понимание мира.

Интересен взгляд В.П. Руднева [11] на роль этого оборота речи в социуме. Автор пишет следующее: «Как бы» и «На самом деле» – выражения, характеризующие различные поколения сегодняшних русских интеллигентов и, соответственно, их картины мира. Привычка через каждые пять предложений добавлять «На самом деле» характеризует поколение, выросшее в 1960-х гг. и реализовавшееся в 1970-х гг. «Как бы» говорит поколение, выросшее в 1980-х гг. и не реализовавшее себя в 1990-х гг.» [11. С. 123]. С учетом такого взгляда можно говорить о дополнительных смыслах, которые организуются в этом стихотворении: герой – из поколения шестидесятников, а живет он среди поколения, не сумевшего себя реализовать, он для них «чужой» и «чужой» для своей страны, которая постепенно превращается в государство по имени КАК БЫ, где все ненастоящее, все на уровне «полу-»: чувства, идеалы, лозунги.

Таким образом, служебные слова, не имеющие в русском языке самостоятельного лексического значения, в определенных поэтических контекстах могут частично «наполняться» значением и даже становиться смысловой и эмоциональной доминантой стихотворения. Актуализация служебных частей речи осуществляется за счет постановки их в сильное место стихотворения (начало или конец строки); при помощи инверсии и строчного переноса, совмещения значений разных частей речи в одной лексеме, семантической антитезы, намеренного и значимого повтора.

Литература

1. *Цивьян Т.В.* Наблюдения над категорией определенности – неопределенности в поэтическом тексте (поэтика А. Ахматовой) // Категория определенности – неопределенности в славянских и балканских языках / отв. ред. Т.М. Николаева. М., 1979. С. 348–363.
2. *Шпет Г.Г.* Эстетические фрагменты : в 3 т. Петербург : Колос, 1922–1923. Т. 2. 1922. 116 с.
3. *Якобсон Р.* Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика : сб. ст. : переводы / сост. и общ. ред. Ю.С. Степанова. М., 1983. С. 462–482.
4. *Зубова Л.В.* Современная русская поэзия в контексте истории языка. М. : Нов. лит. обозрение, 2000. 432 с.
5. *Хайдеггер М.* Гельдерлин и сущность поэзии: пять ключевых слов // Логос. 1991. № 1. С. 37–47.
6. *Дар* слова. Вып. 17. URL: mhtml:file://C:\Users\Admin\Documents\наука\www_russ_ru Михаил Эпштейн (дата доступа: 30.07.2010).
7. *Щерба Л.В.* Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 97–109.
8. *Виноградов В.В.* Русский язык: грамматическое учение о слове : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Высш. шк., 1972. 614 с.
9. *Эйхенбаум Б.М.* Анна Ахматова. Опыт анализа. Петербург : Петропечать, 1923. 133 с.
10. *Евтушенко Е.* Стихи XXI века. М. : Эксмо, 2007. 352 с.
11. *Руднев В.П.* «Как бы» и «На самом деле» // Словарь культуры XX в. М. : Аграф, 1997. С. 123–125.

THE ROLE OF SECONDARY PARTS OF SPEECH IN THE FORMING OF ARTISTIC SENCES IN A POETIC TEXT

Mouratova Y.Y.

Summary. The semantic potential of secondary parts of speech in a poetic text is analyzed. The actualization of secondary parts of speech is put into effect owing the fact that they are put in a strong place of a poem (the beginning or the end of a line); or due to an inversion and a line transfer; or thanks to a combination of different parts of speech in one lexeme; a semantic antithesis; a deliberate and significant repetition.

Key words: a secondary part of speech; a line transfer; opposition; substantivization.